

Эдгар Райс Берроуз

ТАРЗАН
НЕУКРОТИМЫЙ
♦
ТАРЗАН ГРОЗНЫЙ
♦
ТАРЗАН
И ЗОЛОТОЙ ЛЕВ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б 51

Edgar Rice Burroughs
TARZAN. THE UNTAMED
TARZAN. THE TERRIBLE
TARZAN AND THE GOLDEN LION

Перевод с английского Елены Королевой, Анны Гуровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

Иллюстрации Дж. Аллена Сент-Джона

Берроуз Э. Р.

Б 51 Тарзан неукротимый ; Тарзан Грозный ; Тарзан и Золотой лев : романы / Эдгар Райс Берроуз ; пер. с англ. Е. Королевой, А. Гуровой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 800 с. : ил. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31435-1

Джон Клейтон, лорд Грейсток, пережив немало приключений, вновь обосновался в африканских джунглях. По праву рождения ему была уготована блестящая жизнь наследника одной из самых знатных семей Британии, но волею судеб он появился на свет в Африке и был воспитан племенем больших человекообразных обезьян, где обрел свое второе, грозное имя — Тарзан.

В сборник вошли три романа о приключениях Тарзана из племени обезьян, публикуемые в новых переводах: «Тарзан неукротимый» (1920), «Тарзан Грозный» (1921) и «Тарзан и Золотой лев» (1923). Удалившись от цивилизации вглубь Африканского континента, Тарзан и его семья не остаются в стороне от бурных потрясений европейской истории: в их размеренную жизнь врывается Первая мировая война и Тарзан, ведомый чувством долга и стремлением к справедливости, оказывается вовлечен в страшный военный конфликт. Теперь ему предстоит не только сражаться с грозным врагом, но и ценой невероятного напряжения всех своих титанических сил защищать тех, кто ему дорог, то и дело терзаясь неизвестностью об их судьбе...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© А. Е. Гурова, перевод, 2026
© Е. А. Королева, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31435-1

ТАРЗАН
НЕУКРОТИМЫЙ

ГЛАВА 1

Смерть и разорение

Гауптман¹ Фриц Шнайдер устало продирался по темным тропам через мрачный лес. Пот катился по его круглой голове, задерживаясь в тяжелых складках обвисших щек и на бычьем загривке. Его лейтенант вышагивал рядом с ним, тогда как унтер-лейтенант фон Госс замыкал отряд, следуя с кучкой аскар² за измотанными и почти обессиленными носильщиками, которых чернокожие солдаты, по примеру своих белых офицеров, подгоняли острыми концами штыков и подбитыми металлом прикладами винтовок.

Поблизости от гауптмана Шнайдера носильщиков не было, и потому он срывал свой прусский гнев на ближайших аскар, хотя и с оглядкой: эти чернокожие были вооружены винтовками, и трое белых мужчин находились с ними один на один в самом сердце Африки.

Впереди гауптмана маршировала одна половина его отряда, позади него — другая, благодаря чему немецкий капитан был максимально огражден от опасностей диких джунглей. Во главе колонны, пошатываясь, ковыляли два голых дикаря в ошейниках, соединенных общей цепью. Эти были проводниками из местных, мобилизованными на службу Kultur³, и на их несчастных, покрытых синяками телах Kultur уже оставила свой заметный след в виде кровоподтеков и зияющих ран.

¹ Соответствует капитанскому званию. — *Здесь и далее примеч. переводчика, если не указано иное.*

² Арабское слово, означающее «солдат», им называли войска, набранные из местных африканских племен, для службы в армиях европейских колониальных держав.

³ Культура (*нем.*). «Манифест девяноста трех» — открытое письмо «К культурному миру!» 1914 года, написанное группой немецких интеллектуалов в поддержку действий Германии накануне Первой мировой войны.

Вот так даже в темные дебри Африки проник свет Германской цивилизации, отразившись на недостойных дикарях, в то же самое время — осенью 1914 года, — когда он пролился блистательным потоком на погруженную во мрак невежества Бельгию.

Истинная правда, что проводники завели отряд бог знает куда, но таковы уж по большей части все африканские проводники. И неважно, что причиной их оплошности стало чистое невежество, а не злой умысел. Гауптману Фрицу Шнайдеру было достаточно знать, что он заблудился в африканских джунглях и в его власти человеческие существа слабее его, которых он может подвергать пыткам. Он не убил их сразу отчасти из смутной надежды, что в конце концов они найдут способ вытащить его из этой передрыги, отчасти из понимания, что, пока они живы, их можно будет терзать и дальше.

Несчастные, надеясь на случай, который поможет им вернуться на верный путь, твердили, что знают дорогу, и продолжали вести отряд через угрюмый лес по извилистой звериной тропе, как следует натоптанной бесчисленными поколениями диких обитателей джунглей.

По этой тропе Тантор, слон, проделывал свой долгий путь от пылевых ванн до водопоя. Буто-носорог, подслеповато ковыляя, проходил в гордом одиночестве, а по ночам большие кошки беззвучно проносились на мягких лапах под плотным пологом высоких древесных крон в сторону широкой равнины за лесом, где была самая лучшая охота.

И на краю этой самой равнины, внезапно и неожиданно представшей перед глазами проводников, их скорбные сердца забились с новой надеждой. У гауптмана вырвался долгий вздох облегчения, потому что после стольких дней безнадежных блужданий по непроходимым джунглям открывшийся вид на широкие поля колыхавшейся травы с россыпями похожих на парки рощиц и извилистую зеленую линию кустов, обозначавших берега реки, показался европейцу поистине райским.

Пруссак даже заулыбался от облегчения и, перебросившись с лейтенантом парой бодрых слов, принялся рассматривать широкую равнину в полевой бинокль. Он водил им из стороны в сторону над колыхавшейся травой, пока наконец не замер, нацелившись примерно на середину пейзажа неподалеку от намеченной зелеными контурами кустов реки.

— Повезло нам, — сообщил Шнайдер своим спутникам. — Видите?

Лейтенант, который тоже изучал равнину в бинокль, наконец нашел ту же точку, которая привлекла внимание его командира.

— Да, — подтвердил он, — английская ферма. Должно быть, ферма Грейстока, потому что другой такой нет в этой части Британской Восточной Африки. Бог на нашей стороне, герр капитан.

— Мы отыскали эту английскую скотину задолго до того, как он успел узнать, что его страна воюет с нашей, — отозвался Шнайдер. — Так пусть будет первым, кто ощутит на себе железную хватку Германии.

— Будем надеяться, что он дома, — сказал лейтенант, — и мы сможем прихватить его с собой, когда отправимся с докладом к Крауту в Найроби. В самом деле, вот будет славно, если герр гауптман Фриц Шнайдер притащит знаменитого Тарзана из племени обезьян в качестве военнопленного.

Шнайдер заулыбался и выкатил грудь колесом.

— Ты прав, дружище, — сказал он, — это будет славно для нас обоих, однако придется проделать немалый путь, чтобы перехватить генерала Краута где-нибудь по дороге в Момбасу. Эти английские скоты с их жалкой армией мигом откатятся к Индийскому океану.

Воспрянув духом, небольшой отряд двинулся по зеленой равнине к аккуратным и ухоженным постройкам фермы Джона Клейтона, лорда Грейстока, однако их ждало разочарование, поскольку ни Тарзана из племени обезьян, ни его сына не оказалось дома.

Леди Джейн, не подозревавшая о том, что Великобритания и Германия находятся в состоянии войны, встретила офицеров со всевозможным гостеприимством и распорядилась через своего доверенного из племени вазири накормить чернокожих солдат врага.

Далеко на востоке Тарзан из племени обезьян стремительно двигался от Найроби к своей ферме. В Найроби он узнал новости о мировой войне, которая уже началась, и, предчувствуя

незамедлительное вторжение немцев в Британскую Восточную Африку, спешил в сторону дома, чтобы отправить жену в более безопасное место. Вместе с ним было двадцать его воинов с кожей цвета эбенового дерева, однако по меркам человека-обезьяны эти крепкие и закаленные жители джунглей двигались слишком медленно.

Когда того требовали обстоятельства, Тарзан из племени обезьян сбрасывал с себя тонкий налет цивилизации, а вместе с ней и ее символ — скывывавшую движения одежду. Моментально лощеный английский джентльмен превращался в голого человека-обезьяну.

Его подруга в опасности. В данный момент эта мысль заслоняла собой все остальные. Он не думал о ней как о леди Джейн Грейсток, она была та самка, которую он завоевал силой стальных мышц и которую обязан оберегать с помощью все того же грозного оружия.

Сейчас вовсе не член палаты лордов с угрюмым видом стремительно перекидывал тело с ветки на ветку в густом лесу или неутомимыми ногами преодолевал широкие открытые участки равнины — то был огромный самец обезьяны, сосредоточенный на одной цели, исключавшей всякие мысли об усталости или опасности.

Ману, маленькая обезьянка из числа тех, что во множестве бранились и болтали на верхних ярусах тропического леса, заметил его приближение. Много времени прошло с тех пор, когда он видел, как великий тармангани, голый и одинокий, шумно пронесится через джунгли. Седой и бородатый был этот Ману, маленькая обезьянка, и в его потускневших старческих глазах загорелся огонек воспоминаний о тех днях, когда Тарзан из племени обезьян, Повелитель Джунглей, царил над мириадами жизней, которые продирались сквозь спутанный подлесок между стволами громадных деревьев, летели, раскачивались на ветвях или поднимались сквозь листву все выше, на самые безопасные верхние ярусы растительной крепости.

И Нума, который устроился на дневной отдых неподалеку от места удачной охоты, выдавшейся накануне ночью, моргнул желтыми с прозеленью глазами и дернул рыжеватым хвостом, уловив в воздухе запах старинного врага.

Однако и Тарзан, стремительно проносясь на запад, ощущал присутствие Нумы, и присутствие Ману, и любого из многочисленных зверей в джунглях. Его краткое пребывание в английском обществе несколько не притупило его поразительно обостренные чувства. Его нос уловил присутствие Нумы-льва еще раньше, чем величественный царь зверей ощутил его приближение.

Он услышал шумного маленького Ману и даже мягкий шорох разомкнувшегося кустарника там, где прошел Шита, раньше, чем кто-то из этих осторожных животных почуял его самого.

Но какими бы острыми ни были чувства человека-обезьяны, какими бы могучими ни были его мышцы, как бы стремительно ни несся он по дикой земле, усыновившей его когда-то, он все равно оставался простым смертным. Время и пространство непреклонно налагали на него свои ограничения, и никто не сознавал эту истину так же ясно, как сам Тарзан. Как же он негодовал и терзался, что не может двигаться со скоростью мысли, что длинные изнуряющие мили, протянувшиеся перед ним, требуют еще многих и многих часов и неустанных усилий с его стороны, прежде чем он соскользнет с последней ветки на опушке леса в открытое пространство и увидит цель своего пути.

Путешествие заняло не один день, хотя он останавливался на сон и отдых всего на несколько часов и полагался лишь на случайность в поиске пищи прямо по дороге. Если в минуты голода ему ненароком попадалась Ваппи-антилопа или Хорта-кабан, он ел, задерживаясь лишь, чтобы убить и отрезать для себя кусок мяса.

Наконец долгое путешествие подходило к концу, он преодолел уже последние ярды густого леса, защищавшего его владения с востока, а затем и лес остался позади, и вот он уже стоял на краю равнины, глядя через широкое поле на свой дом.

И при первом же взгляде глаза его сощурились, а мышцы напряглись. Даже с такого расстояния он увидел, что чего-то не хватает. Тонкий завиток дыма поднимался справа от бунгало, где когда-то стояли амбары, только теперь никаких амбаров там не было, а вот над трубой бунгало, где должен был бы виться дымок, не вилося ничего.

И снова Тарзан из племени обезьян сорвался с места, на этот раз еще стремительнее прежнего, потому что теперь его подгонял безымянный страх, порожденный скорее интуицией, чем рассудком. Как и животные, Тарзан из племени обезьян, похоже, обладал каким-то шестым чувством. Задолго до того, как он добежал до бунгало, он едва ли не в подробностях вообразил ту сцену, которая в итоге предстала перед ним воочию.

Тихим и пустынным был увитый лозами домик. Дымящиеся головешки обозначали место, где стояли недавно его великолепные амбары. Исчезли крытые соломой хижины его верных слуг, опустели поля, пастбища и загоны для скота. Стервятники время от времени поднимались и кружили над телами людей и животных.

Охваченный чувством, похожим на ужас, которого он не испытывал никогда в жизни, человек-обезьяна наконец заставил себя войти в дом. И от первого, что он увидел, алая дымка ненависти и жажды крови заволокла глаза, потому что там, распятого на стене гостиной, он увидел великана Васимбу, сына верного Муви́ро, который уже больше года был личным охранником леди Джейн.

Перевернутая и сломанная мебель в комнате, бурые лужи засохшей крови на полу, кровавые отпечатки ладоней на стенах и деревянных панелях говорили о том, какая страшная битва разыгралась в тесном жилище. Поперек кабинетного рояля распростерся труп еще одного чернокожего воина, а перед дверью в комнату леди Джейн лежали три мертвых тела преданных слуг Грейстоков.

Дверь в комнату была закрыта. Тарзан, с поникшими плечами и потускневшим взглядом, стоял, бездумно уставившись на молчаливую преграду, скрывавшую от него жуткую тайну, которую он не осмеливался разгадать.

Медленно, с налитыми свинцом ногами, он двинулся к двери. Ничего не видя перед собой, осяпью нашел дверную ручку. И так простоял еще несколько долгих минут, после чего резким движением выпрямился во весь свой огромный рост, расправил могучие плечи и бесстрашно вскинул голову, распахивая дверь и шагая через порог в комнату, хранившую для него самые дорогие воспоминания и переживания. Ничто не дрогнуло в угрю-

мом и сурово сосредоточенном лице, когда он прошел через комнату и остановился рядом с небольшой кушеткой, на которой лицом вниз лежало безжизненное тело — неподвижная, безмолвная форма, еще недавно лучившаяся жизнью, молодостью и любовью.

Ни слезинки не выступило на глазах человека-обезьяны, одному только Богу, сотворившему его, ведомо, какие мысли проносились в этом все еще наполовину диком разуме. Он долго стоял так, просто глядя сверху на мертвое тело, обуглившееся до неузнаваемости, а затем шагнул и поднял его. Развернув тело лицом и увидев, какой жуткой была эта смерть, он в один миг познал всю глубину горя, ужаса и ненависти.

И ему не требовалось даже видеть сломанную немецкую винтовку в передней комнате или разорванную, залитую кровью фуражку на полу, чтобы понять, кто были виновники этого чудовищного и бессмысленного преступления.

Еще миг он надеялся, наперекор здравому смыслу, что этот почерневший труп принадлежит не его подруге, но, когда взгляд скользнул, узнавая, по кольцам на пальцах, последний робкий луч надежды потух.

Молча, с любовью и благоговением, он похоронил несчастное, обугленное тело в маленьком розарии, предмете гордости и обожания леди Джейн, закопав рядом и могучих чернокожих воинов, пожертвовавших своими жизнями в тщетной попытке защитить госпожу.

Сбоку от дома Тарзан обнаружил другие свежие могилы, в которых нашел недостающие улики, способные точно установить истинных виновников тех зверств, какие творились здесь в его отсутствие.

Он откопал тела дюжины немецких аскари и увидел на мундирах знаки различия, обозначающие их принадлежность к определенному полку. Человеку-обезьяне этого было достаточно. Установить личности белых офицеров, отдававших приказы этим людям, будет нетрудно.

Вернувшись в розарий, он постоял над могилой своей подруги среди истоптанных пруссаками цветущих кустов — он стоял, свесив голову в последнем безмолвном прощании. Когда солнце медленно закатилось за возвышавшийся на западе лес,

он медленно развернулся и побрел по все еще различимому следу гауптмана Фрица Шнайдера и его кровавой банды.

Он страдал, как страдают бессловесные твари, — молча, вот только это не означает меньше. Поначалу бескрайняя скорбь заглушила способность мыслить — его разум был поглощен свершившейся бедой настолько, что отзывался лишь на одно беспристрастное утверждение: «Она мертва! Мертва! Мертва!» Снова и снова эта фраза размеренно билась в его сознании, вызывая тупую ноющую боль, и все же его ноги машинально двигались по следу ее убийц, и все его органы чувств были настороже, со знавая вечные опасности джунглей.

Постепенно, стараниями его великой скорби, явилось другое переживание, настолько реальное, настолько осязаемое, что показалось спутником, шагавшим рядом с ним. Это была Ненависть, и она принесла с собой некоторое успокоение и утешение, поскольку то была возвышающая душу ненависть, облагораживавшая его, как облагораживала бесчисленные тысячи людей до него, — ненависть к Германии и немцам. Конечно, она была сосредоточена на убийцах его подруги, но распространялась и на всех немцев, живых или мертвых. Когда мысль как следует проникла в сознание, он остановился и поднял лицо к Гору, луне, с воздетыми руками проклиная тех, кто совершил безобразное преступление в некогда мирном бунгало, оставшемся у него за спиной; он проклял тех, кто их породил, и их потомков, проклял весь их народ, принося про себя клятву сражаться с ними без устали, пока смерть не остановит его.

И почти сразу пришло ощущение умиротворения, ведь если только что его будущее казалось в лучшем случае пустым, то теперь оно наполнилось возможностями, размышляя о которых он если и не становился счастливым, то хотя бы смог отвлечься от абсолютного горя, ибо ему предстояла огромная работа, которая займет все его время.

Тарзан содрал с себя не только внешние символы цивилизации — морально и умственно он вернулся в состояние дикого зверя, каким был взращен. Да ведь его цивилизованность все время была лишь маской, надетой ради той, которую он любил, потому что ему казалось, ей приятнее видеть его таким. На самом же деле он всегда питал к внешним признакам так называ-

емой культуры глубокое презрение. Цивилизованность означала для Тарзана из племени обезьян урезание свободы во всех ее проявлениях: свободы действовать, свободы мыслить, свободы любить, свободы ненавидеть. К одежде он испытывал отвращение — неудобная, уродливая, ограничивающая свободу, она казалась ему некими гарантиями, ограждающими от той жизни, какую, как он видел, ведут бедняки в Лондоне и Париже. Одежда была воплощением того лицемерия, на котором держится цивилизация, ведь ее носители якобы стыдились того, что скрывает одежда, — человеческого тела, сотворенного по образу и подобию Божьему. Тарзан знал, как глупо и жалко выглядят в цивилизованной одежде низшие сословия, потому что видел несколько раз этих бедолаг, наряженных соответствующим образом, в бродячих цирках Европы, и еще он знал, как глупо и жалко выглядит в одежде человек, потому что все люди, каких он встречал в первые двадцать лет своей жизни, были, как и он сам, обнаженными дикарями. Человек-обезьяна искренне восхищался мускулистыми, пропорционально сложенными телами, будь то тело льва, антилопы или человека, и он никак не мог понять, как это одежда может считаться красивее чистой, упругой, здоровой кожи, а сюртук и брюки могут быть элегантнее изящных изгибов округлых мускулов, играющих под эластичной шкурой.

В цивилизации Тарзан нашел алчность, эгоизм и жестокость, далеко превосходившие те, что он успел узнать в родных диких джунглях, и, хотя цивилизация подарила ему подругу и нескольких друзей, которых он любил и которыми восхищался, он никогда не принимал цивилизованный мир так, как мы с вами, не знающие больше ничего или почти ничего; и вот теперь он решительно отбросил все это, испытав облегчение, и двинулся в джунгли, снова в одной лишь набедренной повязке и с оружием.

Охотничий нож его отца висел у него на левом бедре, лук и колчан со стрелами были заброшены за плечо; другое плечо обхватывала, проходя через грудь, смотанная кольцами длинная травяная веревка, без которой Тарзан ощущал бы себя таким же голым, как вы, если бы вдруг оказались посреди запруженной народом улицы в одном белье. Тяжелое боевое копьё,

которое он иногда носил в руке, сейчас болталось в кожаной петле на шее, переброшенное за спину, довершая таким образом его вооружение и его наряд. Не хватало лишь украшенного бриллиантами медальона с изображениями его матери и отца, который он носил не снимая, пока не подарил перед свадьбой Джейн Клейтон в знак своей глубочайшей преданности. После чего уже она носила его не снимая, однако же медальона не оказалось на ее теле, найденном им в ее комнате, так что теперь в его задачу входила не только месть, но и необходимость отыскать украденную драгоценность.

Ближе к полуночи Тарзан начал ощущать физическое напряжение после долгих часов пути и осознал, что запас прочности даже таких мышц, как у него, не безграничен. Его погоня за убийцами не отличалась какой-то чрезмерной быстротой, скорее, он двигался, подчиняясь внутренней установке обязательно стробовать с немцев больше, чем око за око, зуб за зуб, и фактор времени, хотя и принимался в расчет, мало что значил для него.

Внутренне, как и внешне, Тарзан вернулся в состояние дикого зверя, а в жизни зверей время, как измеряемый показатель хода бытия, не имеет смысла. Зверя интересует лишь *сейчас*, а поскольку *сейчас* происходит всегда и будет всегда, есть целая вечность, чтобы достичь желаемого. Человек-обезьяна, разумеется, несколько лучше сознавал налагаемые временем ограничения, однако, как и звери, двигался с вальяжной неспешностью, когда обстоятельства не требовали от него молниеносных действий.

Когда он решил посвятить свою жизнь мести, месть сделалась естественным для него состоянием и потому перестала быть срочной, по этой причине он и не торопился, преследуя врагов. А не отдыхал до сих пор только потому, что не ощущал усталости, поскольку его разум был поглощен скорбью и желанием мстить; впрочем, теперь он почувствовал, что устал, и искал глазами какого-нибудь из древесных великанов, чьи ветви и раньше давали ему приют на ночь.

Теперь по небу стремительно пронеслись облака, время от времени скрывая яркий лик Горо, луны, и предупреждая человека-обезьяну о надвигающейся грозе. В недрах джунглей из-за

этих облаков царила непроглядная тьма, которую можно было едва ли не пощупать, — тьма, показавшаяся бы нам с вами жуткой, поскольку сопровождалась шорохом листьев и треском ветвей, а еще моментами полной тишины, в которые даже самое незатейливое воображение успевало нарисовать затаившегося хищника, напружинившегося для смертоносного прыжка; впрочем, Тарзан двигался дальше, равнодушный ко всем этим страхам, хотя и неизменно настороженный. Вот он раскачался на ветке и забросил тело на нижний ярус леса, когда какое-то необъяснимое чувство предупредило, что прямо на его пути лежит в засаде Нума, еще раз он чуть отклонился в сторону, когда Буто-носорог устремился к нему по узкой, глубоко натоптанной тропе, потому что человек-обезьяна, готовый ринуться в бой по малейшему истинному поводу, избегал ненужных столкновений.

Когда он в конце концов забрался на дерево, которое искал, луну затянули плотные тучи, и вершины деревьев бешено закачались на все усиливавшемся ветру, заглушая шорохом листьев все остальные звуки джунглей. Тарзан поднимался все выше, к надежной развилке ветвей, на которую давно уже натаскал тонких веток, устроив небольшую лежанку. Стало совсем темно, даже темнее, чем раньше, поскольку теперь уже весь небосклон был затянут плотными черными тучами.

Вдруг человек-зверь замер, его чувствительные ноздри раздулись, пока он втягивал в себя воздух. Затем с ловкостью и проворством кошки он запрыгнул на раскачивавшуюся ветку, взмыл вверх сквозь тьму, зацепился за следующую ветку, раскачался и перебросил тело еще выше. Отчего же его размеренный подъем вдоль гигантского ствола обернулся утомительным и поспешным обходным маневром среди ветвей? Мы с вами не увидели бы ничего — даже маленького настила, который мигом раньше был над самой его головой, а теперь остался далеко внизу; однако, пока он раскачивался на ветке, мы точно услышали бы зловещее ворчанье, а затем, когда луна выглянула бы на мгновение, то рассмотрели бы и настил из ветвей (смутно), и темное пятно, расплзшееся по нему, — это темное пятно, теперь, когда наши глаза привыкли к чуть рассеявшейся темноте, обрело бы очертания Шиты-леопарда.

В ответ на рычание хищника из широкой груди человека-обезьяны вырвался не менее утробный и такой же яростный рык — предостерегающий рык, объяснявший леопарду, что тот вторгся в чужое логово, однако Шита был не в настроении высылаться. Он задрал голову, оскалившись на застывшего на дереве смуглого тармангани. Человек-обезьяна очень медленно двинулся по ветке к стволу, пока не оказался прямо над леопардом. В руке он сжимал охотничий нож своего давно умершего отца — оружие, которое прежде всего и позволило ему добиться превосходства над зверями в джунглях; однако он надеялся, что ему не придется пускать его в ход, поскольку знал, что большинство лесных баталий сводятся к жуткому рычанию, а не к настоящим схваткам, — подобный обманый прием действует в джунглях не хуже, чем в любых других местах, и лишь в вопросах любви и пропитания крупные животные применяют на деле клыки и когти.

Тарзан прислонился к стволу дерева и придвинулся к Шите поближе.

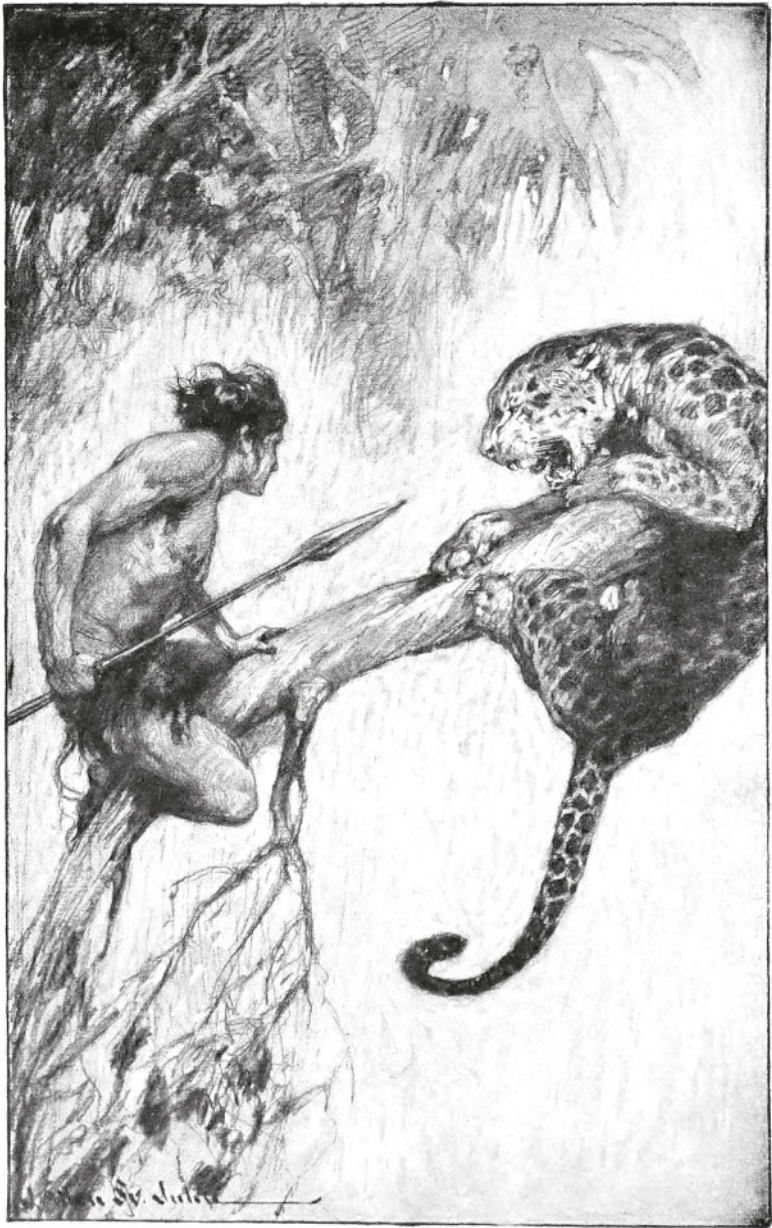
— Похититель балу! — выкрикнул он.

Леопард принял сидячее положение, его обнаженные клыки сверкали в каких-то футах от насмешливо скривившегося лица человека-обезьяны. Тарзан жутко зарычал и ткнул в кошачью морду ножом.

— Я Тарзан из племени обезьян! — проревел он. — Это логово Тарзана. Убирайся, или я убью тебя!

Хотя он говорил на языке больших обезьян джунглей, вряд ли Шита понял его слова, зато прекрасно понял, что эта безволосая обезьяна хочет прогнать его со старательно выбранного места, мимо которого за ночь обязательно пройдут какие-нибудь съедобные существа.

С быстротой молнии кот, подавшись назад, нанес жестокий удар по своему мучителю огромной когтистой лапой, которая оставила бы человека-обезьяну без лица, если бы удар попал в цель, только он не попал: Тарзан был проворнее даже Шиты. Когда леопард вскочил на настиле на все четыре лапы, Тарзан выдернул из петли свое тяжелое копьё и ткнул им в оскаленную морду, и, пока Шита уклонялся от ударов, оба продолжали

исполнять свой жуткий дуэт, состоявший из леденящих кровью рыков и ворчанья.

Обезумевший от ярости кот теперь твердо вознамерился добраться до этого нарушителя покоя, однако каждый раз, когда он собирался запрыгнуть на ветку, где стоял Тарзан, ему в морду неизменно устремлялось острое копыя, и каждый раз он отскакивал назад, опасно приближаясь к тонкому концу ветки; в конце концов ярость оказалась сильнее рассудка, леопард взлетел по грубому стволу на ту самую ветку, где был Тарзан. Теперь они стояли друг против друга на одном уровне, и Шита видел не только возможность немедленной мести, но заодно и хороший ужин. Это безволосое существо со своими крохотными клыками и жалкими когтями выглядело беспомощно перед ним.

Толстая ветка согнулась под тяжестью двух хищников, пока Шита осторожно подкрадывался, а Тарзан медленно пятился, рыча. Ветер теперь задувал с ураганной силой, и даже самые большие деревья в лесу, стеная, раскачивались под его порывами, и ветка, на которой стояли лицом к лицу противники, вздымалась и опадала, словно корабельная палуба в шторм. Горы окончательно скрылся, зато яркие молнии подсвечивали джунгли почти непрерывно, позволяя увидеть мрачную картину первобытных страстей, разыгравшихся на качавшейся ветке.

Тарзан пятился все дальше, уводя Шиту от древесного ствола к концу сужавшейся ветки, ступать по которой становилось все опаснее. Кот, обезумевший от боли, оставленной копьем, позабыл о всякой осторожности. Он уже забрался туда, где мог только более-менее надежно стоять, и как раз этот момент Тарзан выбрал для нападения. Его рев слился с гулким раскатом грома в поднебесье, когда он прыгнул на леопарда, который мог лишь тщетно размахивать одной громадной лапой, вцепляясь в ветку всеми остальными, вот только человек-обезьяна никак не попадал под его смертоносные удары. Вместо того он перепрыгнул зловещие когти и щелкающие челюсти, перевернулся в прыжке и приземлился прямо на спину Шите, в тот же миг глубоко вонзив свой нож в узорчатый золотистый бок. И вот тут Шита, понукаемый болью, ненавистью и яростью, а еще первым законом Природы, окончательно обезумел. Рыча и размахивая когтями, он попытался извернуться и достать человека-обезья-

ну, вцепившегося ему в спину. Мгновение он жался к теперь уже бешено плясавшей под ним ветке, отчаянно впиваясь всеми когтями, чтобы спастись от падения, а затем ухнул вниз, в темноту, с накрепко прильнувшим к нему Тарзаном. С треском пронесшись между ветвями, оба рухнули. И ни на миг человек-обезьяна не ослабил своей мертвой хватки. Он ведь уже вступил в смертельный поединок и был верен древним инстинктам диких джунглей — их неписаному закону: битва завершится гибелью одного или обоих противников.

Шита, как и все кошки, приземлился на широко расставленные лапы, и тяжесть человека-обезьяны придавила его к земле, а длинный нож снова вонзился в бок. Еще раз леопард попытался подняться, но лишь снова распростерся на земле. Тарзан почувствовал, как гигантские мышцы под ним обмякли. Шита был мертв. Поднявшись, человек-обезьяна поставил ногу на тело поверженного врага, задрал лицо к громыхавшему небу и, когда вспыхнула молния и хлынул поток дождя, испустил дикий победный клич самца обезьяны.

Добившись цели и выселив противника из своего логова, Тарзан нарвал охапку больших папоротников и забрался на свое промокшее ложе. Постелив несколько папоротников на ветки, он улегся и прикрылся остальными от дождя, после чего, несмотря на завывания ветра и раскаты грома, моментально заснул.

ГЛАВА 2

В логове льва

Дождь лил целые сутки, почти все это время обрушиваясь обильными потоками, и потому, когда прекратился, тропа, по которой шел Тарзан, оказалась полностью размыта. Стало холодно и неприютно, но неистовый Тарзан пробирался дальше через лабиринт мокрых джунглей. Маленький Ману, дрожавший и стрекотавший среди отсыревших деревьев, бранясь, убрался с его пути. Даже леопарды и львы пропускали ворчавшего что-то тармангани, обходя стороной.

Когда солнце снова засияло на второй день пути и жар Куду, изливаясь в полную силу на широкую равнину, согрел озябшее смуглое тело, Тарзан воспрянул духом; но все равно на юг, туда, где он надеялся снова напасть на след немцев, он двигался как угрюмый ворчливый зверь. Он находился теперь в Германской Восточной Африке, намереваясь обогнуть горы западнее Килиманджаро, на зазубренные пики которых он точно не собирался карабкаться, а затем повернуть на восток вдоль южной их оконечности, в сторону железной дороги на Танга, поскольку, исходя из своего опыта жизни среди людей, рассудил, что как раз к этой железной дороге и будут, вероятнее всего, продвигаться немецкие войска.

Спустя два дня, где-то под южными склонами Килиманджаро, он услышал грохот пушек далеко на востоке. День стоял тусклый и пасмурный, и теперь, когда он проходил через узкое ущелье, несколько крупных капель дождя упали на его обнаженные плечи. Тарзан мотнул головой, ворчаньем выражая свое неодобрение, затем огляделся в поисках укрытия, потому что с него было уже довольно холода и сырости. Ему хотелось поспешить в ту сторону, откуда доносился грохот канонады, потому что он знал, что там немцы должны драться с англичана-

ЭДГАР РАЙС БЕРРОУЗ
ТАРЗАН НЕУКРОТИМЫЙ
•
ТАРЗАН ГРОЗНЫЙ
•
ТАРЗАН И ЗОЛОТОЙ ЛЕВ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Редакторы Александра Шаповалова, Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Александра Сабурова
Корректоры Ульяна Смирнова, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 18.05.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 49. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

